

Василий Буслаевич (7)

И жил-то Буславьюшко сто годов,
И жил-то Буславьюшко, не старелся,
И теперь-то Буславьюшко преставился.
Оставалось у Буславья чадо милое,
И премладые Вася Буславьевич.
И стал-то ли Васенька конём владать,
Конём-то владать и копьем шурмовать.
И стал-то Вася по улки похаживать,
И нелёккие шутки пошучивать,
И нелёккие шутки непомерные:
Ково за руку хватит — ручку выдернё,
Ково под ногу пнё — ножку выпинывал,
Ково в голову ударит — и в смерть убьёт.
И тут ли новгородские староста
И приносит великие жалобы
И к той ли вдовы благочестивые,
И премлады Амельфы Тимофеевны:
— Ай же ты вдова благочестивая
И премлада Амельфа Тимофеевна!
Уйми своево чада милово,
И премладова Васю Буславьева,
И много обидушку делаё.
У тово ли новгородского старосты
И хорош был заведен почестной пир
И на сильни могучи богатыри,
И на все поляници удалые,
И да на все на добрые молодцы.
И как все на пиру напивалися,
И как все на пиру наедалися,
И все на пиру пьяны-веселы,
И все на пиру поросхвастались.
И которой-то хвастат добрым конем,
И которой-то хвастат золотой казной,
И безумной похвастал молодой женой.
И сидит-то Василий Буславьевич

И ничем-то Василий не хвастает.
И говорит-то новгородские староста:
— И что ты, Василей Буславьевич,
И что ты ничем не похващаешь?
— И чем мне-ка, братцы, похващати?
Да нету у меня ведь добрых коней,
И нету у мня золотой казны,
И нету у мня молодой жены;
И похващаю силой могучие,
Идти-то ведь биться-драться на весь Новый град
И с тем ли новгородским старостой.

И тут-то ли они записи записывали
И к записям белы ручки прикладали,
И заутра-то идти да на Волхов мост
И биться-то драться со Новым градом,
И с тем ли новгородским старостой.
И приезжает Василей к своей матушки,
И премлады Амельфы Тимофеевны,
Он не весел приезжает, не радошён.
Говорила ему родна матушка,
Премлада Амельфа Тимофеевна:
— И что ты ли Вася Буславьевич,
Али что ты не весел, не радошён?
Али место тебе было не по разуму,
Али цара тебе не рядóm дошла,
Али безумьца тобой осмеяласе?
— Ай ты же рóдная матушка!
И место-то было по разуму,
И цара та мне ведь рядом дошла,
И безумьца мной не осмеяласе.
И как все на пиру напивалисе,
И как все на пиру наедалисе,
И все на пиру поросхващались:
Которой-то хващат добрым конём,
А которой-то фащат золотой казной,
И безумной пофащат молодой женой.
Я похващатал-то силой могучие
Идти-то биться-драться на весь Новый град,
И с тем ли новгородским старостой.

И повела ево да и во чисто полё,
И садила ево во темной погрёб,
И темной-от погрёб сорока сажои,
И навалила плиту ровно сто пудов,
И наклала кису злата серебра,
И другую наклала скатня жемчуга,
И понесла-то великие даровья
И тому ли новгородскому старосты.

— А й же новгорочкие староста!
И прими-ко великие даровья,
И отмени-ко моего чада милова,
И премладаго Васю Буславьева,
От тово ли побоища кровавого.

И говорил-то новгорочкие староста:

— А й же ты вдова благочестивая,
Премлада Амельфа Тимофеевна!
Не дорого ни злато, ни серебро,
И не дорого ни скатниё жемчуго,
Тольки дóрога похвальба молодецкая,

И были дружины хоробрые,
И были слуги, были верные,
Слуги верные и неизменные,
И пошли оны да и на Волхов мост
И биться-то драться с Новым-градом,
И с тем ли новгорочкием старостой.

Оны билися ровно три ведь дня,
И эта-то девка чернавушка
И выходила на Дунай-реку,
И увидала это побоище кровавое,
И эте ево слуги верные,
И стоят оны и по колен в руды,
И буйны головки проломаны,
И платками головки повязаны.
И тут-то ли девка чернавушка,
И тут-то она слезно всплакала,
И приходила она да и во чисто полё,
И во чисто полё да и во темной погрёб,
И говорила она таково слово:
— А й же ты, Вася Буславьевич!

И спишь ли ты, Вася, просыпаешься,
И над собой ты незгодушки не ведаешь,
И твои-то слуги верные,
И стоят оны да по колен в руды,
И буйны головки проломаны,
И платками головки повязаны.

И скидывала эту плиту ровно сто пудов,
И выпускала Василья на святую Русь.
И выходил-то ли Вася на святую Русь,
И не попало оружию звериное,
И не попало копье бурзонецкое,
И ратовье да девяти сажень,
И попала осища тележная.
И пошел-то ли Вася на Волхов мост,
И на то ли кроваво побоище,
И начал-то Вася помахивать.
А куды-то махнёт — улица падё,
И повымахнёт — да к переулочек.
И прибил-то народу и сметы нет.
И тот ли новгородские староста
И наклал-то кису злата серебра,
И другую наклал скатня жемчуга,
И понёс-то великие даровья
И той ли вдовы благочестивые
И премлады Амелфы Тимофеевны.
— А й же ты вдова благочестивая!
И уйми своего чада милого,
И премладаго Васю Буславьева,
И оставь хошь народу на симена.
И говорила ему родна матушка,
И премлада Амелфа Тимофеевна:
— А й же ты Василей Буславьевич!
И окроти своё сердце богатырское,
И оставь хошь народу на симена.

(Записано от Федора Григорьевича Шуманова, крестьянина 68 лет из деревни Тамбицкая-Лахта (у Гильфердинга ошибочно Тамицкая) на Кенозере 14 августа 1871 г.)

Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. - 1900.